

Фрагмент лексической системы казымского диалекта хантыйского языка: глаголы *pitti* ‘упасть, попасть’ и *χɔjti* ‘задеть, попасть’ и их аргументная структура

Рыжова Дарья Александровна, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва); daria.ryzhova@mail.ru

Статья посвящена семантике и особенностям аргументной структуры глаголов *pitti* ‘упасть’ и *χɔjti* ‘задеть’ в казымском диалекте хантыйского языка, а также зоне их вариативности. В работе очерчивается круг контекстов, в которых эти глаголы конкурируют, и постулируется семантический континуум от семантики падения к семантике контакта с зоной «попадания» между ними. Показано, что промежуточная зона попадания включает по крайней мере две части: мену локализации (‘попасть внутрь’) и поражение цели (‘попасть в цель’). При этом мена локализации ближе к семантике падения, а поражение цели — к полю контакта. Смежность полей падения, попадания и контакта дополнительно иллюстрируется материалами других языков, а также морфосинтаксическими свойствами хантыйских глаголов *pitti* ‘упасть’ и *χɔjti* ‘задеть’, в частности моделями морфологического кодирования их аргументов.

Ключевые слова: хантыйский язык, лексическая семантика, лексическая типология, аргументная структура, семантическая смежность

A FRAGMENT OF THE LEXICAL SYSTEM OF KAZYM KHANTY: THE VERBS *PITTI* ‘TO FALL; TO GET INTO SOMEWHERE’ AND *χOJTI* ‘TO TOUCH; TO HIT THE TARGET’, AND THEIR ARGUMENT STRUCTURE

Daria A. Ryzhova, HSE University (Moscow); daria.ryzhova@mail.ru

The study describes the semantics of the Kazym Khanty verbs *pitti* ‘to fall; to get into somewhere’ and *χɔjti* ‘to touch; to hit the target’ as analyzed from the perspective of the frame-based approach to lexical typology. According to this approach, semantic fields consist of certain situation types, or frames, which are denoted by the lexemes belonging to the field. The situation types correspond to distributional patterns and serve as a basis for cross-linguistic comparison of word meanings.

The paper identifies and illustrates the sets of physical meanings of the verbs in question, with a special focus on the domain of variation between *pitti* and *χɔjti*. It is shown that these verbs concur in contexts involving the semantics of either getting (occasionally) into somewhere (cf. *A fly got into my soup*) or hitting the target (cf. *The arrow hit him in the arm*). Evidence from Kazym Khanty, as well as from available cross-linguistic data, suggests that these meanings are adjacent to each other, while the meaning ‘to get into somewhere’ is closer to the domain of falling, and the meaning ‘to hit the target’ is closer to the domain of physical contact. Thus, the meanings ‘to fall’, ‘to get into somewhere’, ‘to hit the target’, and ‘to touch’ form a semantic continuum with no clear-cut boundaries between the semantic fields. This hypothesis is further supported by morphosyntactic variation in encoding of the patientive argument of the verb *χɔjti*, which seems to be influenced by the morphological pattern inherent to the verb *pitti*.

Keywords: Khanty language, lexical semantics, lexical typology, argument structure, semantic continuity

1. Введение

Глаголам падения в разных говорах и диалектах хантыйского языка посвящен целый ряд исследований. Ф. М. Лельхова составляет подробные лексикографические описания глаголов непроизвольного движения вниз в шурышкарском диалекте [Лельхова 2013, 2014]; Е. В. Кашкин рассматривает буквальные употребления глаголов падения в западных говорах хантыйского языка на лексико-типологическом фоне [Кашкин 2017]; в статье [Ванеян и др. 2020] решается аналогичная задача для глаголов падения в казымском хантыйском; в выпускной квалификационной работе [Наумова 2019], легшей в основу статьи [Ванеян и др. 2020], помимо буквальных употреблений, рассматриваются также некоторые семантические переносы глаголов падения в казымском диалекте хантыйского языка.

По этим работам видно, что семантическое поле движения вниз во всех рассмотренных диалектах и говорах хантыйского языка очень богато лексически. Так, например, Ф. М. Лельхова выделяет 61 лексему, в значение которых входит сема движения вниз [Лельхова 2014]. Многие из них, однако, используются редко и могут быть известны не всем носителям.

Одна из центральных лексических единиц этого поля, характеризующаяся наиболее широким спектром употреблений, — глагол *pitti*. Известно, что он может описывать ситуации падения разных типов (подробнее см. раздел 2, а также [Кашкин 2017; Ванеян и др. 2020]), а помимо этого развивает несколько переносных значений [Лельхова 2013, Наумова 2019] и грамматикализуется в показатель инхоатива (см., например, [Nikolaeva 1999]).

Интересно, однако, что ни в одной из известных нам работ специально не обсуждаются и почти не упоминаются употребления глагола *pitti*, подобные тому, что мы приводим в примере (1)¹. И это неудивительно, поскольку статус таких употреблений не очень ясен. Так, в примере (1) глагол *pitti* обозначает физическое перемещение (и поэтому такое употребление сложно назвать грамматическим или даже метафорическим), однако это перемещение уже не направлено сверху вниз, как прототипическое падение. Наиболее близкий русский эквивалент *pitti* в подобных контекстах — глагол *попасть*. В этом значении *pitti* конкурирует с глаголом из другой семантической области — *χɔjti* ‘задеть’ (глагол прикосновения, согласно [Нахрачева 2021]), для которого семантика ‘попасть, оказаться’, по-видимому, так же периферийна, как и для самого *pitti*.

- (1) *kort-a top jōxt-as top jōxi pit-as ši tūt-əŋ əw top*
 деревня-DAT только прийти-PST[3SG] только домой стать-PST[3SG] FOC огонь-ATTR дверь только
mənemə-s-λe in rətna-j-əl χot-a jōxi pit-as šiχ ši
 дернуть-PST-3SG.SO сейчас родня-EP-POSS.3SG дом-DAT домой стать-PST[3SG] совсем FOC
rākn-as ši pakn-əm rūw-əl-n ši!
 упасть-PST[3SG] FOC испугаться-PFV.PART жар-POSS.3SG-LOC FOC
 ‘До деревни только добралась она, только в дом **попала**, только дверь дома с очагом рванула, попала в дом родственников, — упала без сознания от испуга пережитого!’ (КХТ²: «Женщина, с детьми ос-тавленная»)

В этой статье мы рассмотрим подробнее этот особый тип употреблений глагола *pitti*, опишем семантику и основные особенности использования глагола *χɔjti*, а также покажем, что позволяет глаголам с такими разными основными значениями «совпасть» в некотором определенном типе контекстов, как такое совпадение согласуется с особенностями их аргументной структуры и какие теоретические выводы об устройстве лексико-семантического пространства из этого следуют. Кроме того, мы сосредоточимся на самой семантической зоне «попадания» и обсудим стратегии ее лексикализации в типологической перспективе. Сразу оговоримся, что мы будем рассматривать только такие случаи, когда глаголы *pitti* и *χɔjti* обозначают физические действия или процессы; абстрактные (метафорические и грамматические) употребления, а также устойчивые идиоматические сочетания и некоторые физические значения, на наш взгляд нерелевантные для обсуждения конкуренции *pitti* и *χɔjti*, мы вынуждены вынести за рамки этого исследования и будем упоминать их лишь эпизодически.

Наше исследование проведено на материале казымского диалекта хантыйского языка. Мы используем данные Корпуса текстов на хантыйском языке Е. В. Кашкина (КХТ), тексты на казымском хантыйском

¹ Все хантыйские примеры в этой статье приводятся в финно-угорской транскрипции [Honti 1986; Кошкарева, Соловар 2007] и относятся к казымскому диалекту. Глоссирование во всех примерах унифицировано. Примеры, при которых не указан источник, получены автором методом элицитации.

² Здесь и далее аббревиатура «КХТ» используется для обозначения Корпуса текстов на хантыйском языке, собранного Е. В. Кашкиным в рамках Программы фундаментальных исследований президиума РАН «Корпусная лингвистика» (2012—2014 гг.).

из «Обско-угорской базы данных» (далее — OUDB), подготовленной в рамках проекта EUROABEL³, примеры из работ [Ванеян и др. 2020; Наумова 2019] и из словарей [Соловар 2014; Лозьямова 2020], а также наши собственные полевые данные, полученные в ходе удаленной работы (с помощью платформ Skype и Viber) с несколькими жителями с. Казым осенью 2020 года. Лексические значения представляются и анализируются в русле фреймового подхода к лексической типологии [Рахилина, Резникова 2013], согласно которому каждое значение лексической единицы соотносится с определенным типом ситуаций, которые эта единица может описывать⁴.

Дальнейшее изложение будет построено следующим образом. Мы начнем с обзора ситуаций, в которых употребляются глаголы *pitti* (раздел 2) и *xoiti* (раздел 3). Далее, в разделе 4, мы продемонстрируем, в какой зоне они конкурируют и каковы границы вариативности каждого из них. Раздел 5 будет посвящен особенностям их аргументной структуры, которые, на наш взгляд, проливают дополнительный свет на природу конкуренции этих лексем в зоне ‘попасть’. В разделе 6 мы сформулируем основные выводы и наметим планы дальнейших типологических исследований.

2. Семантика глагола *pitti*

Глагол *pitti* широко используется в казымском диалекте хантыйского языка в качестве одного из основных предикатов, обозначающих падение, т. е. неконтролируемое перемещение субъекта по воздуху сверху вниз под воздействием силы тяжести. Из четырех макрозон, которые, по материалам [Резникова и др. 2020], могут описываться глаголами падения в прямых значениях в языках мира, глагол *pitti* покрывает три: падение сверху (2), потерю вертикальной ориентации (3) и падение в результате открепления (4), не охватывая четвертую — падение с разрушением (5).

- (2) *keši pāsān ewālt il pit-ās.*
 нож стол с вниз падать-PST[3SG]
 ‘Нож упал со стола’. [Ванеян и др. 2020: 440]
- (3) *ma šot-s-am pa il pit-s-am.*
 я идти-PST-1SG и вниз падать-PST-1SG
 ‘Я шел и упал’. [Ванеян и др. 2020: 443]
- (4) *tūtχot-em sumka ewālt il pit-ās.*
 кошелек-POSS.1SG сумка с вниз падать-PST[3SG]
 ‘Кошелек выпал из сумки’. [Ванеян и др. 2020: 443]
- (5) *χot il rəχāñl-əs / *pit-ās.*
 дом вниз падать-PST[3SG]
 ‘Дом упал’. [Ванеян и др. 2020: 444]

Кроме того, как уже было сказано во Введении, глагол *pitti* может передавать значение ‘попасть, оказаться’, см. примеры (6—7). От исходной ситуации падения в таких случаях сохраняется результат — некоторая новая локализация объекта. При этом направление движения может быть не специфицировано, как в примере (1) из Введения и в примере (6) ниже. Кроме того, четко выделяемая фаза перемещения может полностью отсутствовать, как в примере (7).

- (6) *kartij-em-a wəχsar pit-m-ał.*
 капкан-POSS.1SG-DAT лиса падать-EV.PST-3SG
 ‘В мой капкан попала лиса’.
- (7) *Ma sem-em lōñsəχ-ən pit-s-a.*
 я глаз-POSS.1SG мыло-LOC падать-PST-PASS[3SG]
 ‘Мне в глаз мыло попало’.

³ Примеры употребления глаголов *pitti* и *xoiti* из корпусов KXT и OUDB, на основании которых проводилось исследование, доступны по ссылке: https://github.com/DariaRyzhova/Language_Data/blob/main/pitti_xoiti_corpus_examples.xlsx.

⁴ Автор выражает свою глубокую признательность Н. А. Муравьеву за помощь и поддержку на всех этапах работы над статьей, редколлегии журнала «Урало-алтайские исследования» и двум анонимным рецензентам за ценные замечания к более ранним версиям этого текста, а также всем носителям казымского диалекта хантыйского языка, с которыми автору посчастливилось работать. Все недочеты, ошибки и опечатки целиком на нашей совести.

В словаре [Соловар 2014] значение ‘попасть, оказаться’ не выделяется, в словаре [Лозьямова 2020] в качестве одного из значений глагола *pitti* указано ‘попасть’, но более широкое определение не приводится, а в КХТ глагол *pitti* в этом значении глоссируется не очень последовательно: иногда он получает глоссу *падать*, а иногда — *стать*, см. (1).

Помимо значения физического перемещения в пространстве, оканчивающегося сменой локализации субъекта, глагол *pitti* может передавать и абстрактное значение смены посессора, а также вхождения в состояние или процесс. Меню посессора глагол *pitti* может обозначать в контекстах с одушевленным объектом в роли конечной точки, см. (8). Семантика вхождения в состояние или процесс реализуется в контекстах, где позицию аргумента с ролью конечной точки перемещения занимает абстрактное существительное (9), а также в сочетаниях с существительным, оформленным показателем каритива (10), и — особенно часто⁵ — в сочетаниях *pitti* с глаголами в форме имперфективного причастия (11). Такого рода расширение семантики и дистрибуции *pitti* свидетельствует о его грамматикализации в маркер инхоатива. Эта модель засвидетельствована и в других языках, неродственных хантыйскому, см. [Kuteva et al. 2019: 171].

- (8) *leštan-leŋke-n taś nin-ən-a at pit-əλ* <...>.
Лэщтан-DIM-POSS.2SG богатство вы-POSS.2NSG-DAT пусть падать-NPST[3SG] <...>.
‘Богатства Лэщтана вам пусть достанутся <...>’. (КХТ: «Богом данное богатство»)

- (9) *ne χānti nōms-a śi pit-əs*.
женщина человек мысль-DAT FOC падать-PST
‘Стал о нареченной думать’. (КХТ: «Мальчик с той стороны»)

- (10) *isa mūw sij-λi pit-əs*.
совсем земля шум-CAR падать-PST
‘Тишина (букв.: Совсем земля беззвучная стала)’. (КХТ: «Как у бурундука спина полосатой стала»)

- (11) *apəle-m-n inśəs-ti śi pit-s-a-j-əm*.
младший брат-POSS.1SG-LOC спрашивать-IPFV.PART FOC падать-PST-PASS-EP-1SG
‘Младший брат стал меня спрашивать’. (КХТ: «Вечером»)

Кроме того, глагол *pitti* входит в состав целого ряда устойчивых сочетаний, ср. *sema pitt* ‘родиться’, букв. ‘упасть/попасть в глаз’; *nōχ pitt* ‘победить, одержать верх’, букв. ‘упасть/попасть наверх’; *pelka pitt* ‘открыться, раскрыться’, букв. ‘упасть/попасть в сторону’ и нек. др.

В этой статье мы сфокусируемся на достаточно узкой зоне свободных, не фразеологизированных употреблений глагола *pitti*, предполагающих буквальное перемещение физического субъекта в пространстве, в результате которого он меняет свою локализацию. Подробный анализ процессов лексикализации и грамматикализации глагола *pitti* заслуживает отдельного исследования.

3. Семантика глагола *χəjti*

Согласно словарю [Соловар 2014: 332—333], глагол *χəjti* может выражать целый набор очень разнообразных значений: 1) ‘тронуть, задеть, коснуться’; 2) ‘удариться’; 3) ‘попасть’; 4) ‘заехать, зайти’; 5) ‘подуть (о ветре)’; 6) ‘метать икру’; 7) ‘желтеть’. Почти тот же список (без значения 6) приводится в [Лозьямова 2020: 311—312], такой же набор значений постулируется для глагола *χəjti* в близком казымском шурышкарском диалекте [Лельхова 2012]. В рамках этого исследования мы сосредоточимся на значениях 1—3 и покажем, как они связаны между собой, а также с семантикой глагола *pitti*.

Примеры из корпусов и материалы, полученные нами в ходе работы с информантами, позволяют обобщить значения 1—3, объединив их под ярлыком *непреднамеренного контакта* (или, по крайней мере, не в полной мере контролируемого). Так, примеры (12) и (13) представляют собой минимальную пару: в первом случае речь идет о неконтролируемой ситуации, во втором — о контролируемой, и эта оппозиция маркируется лексически.

- (12) *tām pīt-əλ-a ān χəj-a, kawrəm*.
этот котел-POSS.3SG-DAT NEG задеть-IMP.SG горячий
‘Смотри не задень этот котел, он горячий’.

⁵ На такие примеры приходится 117 из 200 вхождений *pitti* в казымском подкорпусе КХТ и 52 из 70 вхождений в казымской части OUDB. Отметим, однако, что из-за особенностей разметки в статистике по OUDB не учтены включающие глагол *pitti* фразеологизированные сочетания.

- (13) *tām pūt-əl ān ketm-e, kawrəm.*
 этот котел-POSS.3SG NEG тронуть-IMP.SO горячий
 ‘Не трогай этот котел, он горячий’.

Заметим, что ограничение на непреднамеренность контакта для глагола *χэјті* не выводится напрямую из его словарного определения (хотя, по-видимому, и подразумевается автором словаря), поскольку в используемых в дефиниции 1 русских глаголах *тронуть* и *коснуться* противопоставление ‘намеренно’ — ‘ненамеренно’ как раз нейтрализовано, ср. *Спортсмен случайно коснулся рукой сетки* vs. *коснуться рукой лба, чтобы поправить челку*.

И напротив, в русском языке лексически противопоставляются сильная и слабая степень случайного контакта (ср. *удариться* vs. *задеть*), в то время как в хантыйском языке этот параметр нейтрализуется: помимо слабого контакта, проиллюстрированного выше примером (12), глагол *χэјті* может обозначать и сильный непреднамеренный контакт, ср. пример (14). По-видимому, этот параметр и лежит в основе разграничения значений 1 и 2 в словаре [Соловар 2014] (1 и 4 в [Лозямова 2020]), но никак не эксплицируется. В зоне намеренного контакта параметр степени интенсивности взаимодействия двух приведенных в контакт объектов играет роль и в хантыйском языке: слабый контакт может обозначаться глаголом *ketāmti* ‘тронуть, коснуться, трогать’, см. пример (13) выше, сильный — глаголом *χә́тсә́ти* ‘ударить, стукнуть’ (15). Сведения о том, какие параметры могут играть роль при выборе глагола контакта, обобщены в таблице 1. Отметим, однако, что их нельзя считать исчерпывающими: поле глаголов контакта включает в себя большое количество лексем, противопоставленных друг другу по целому ряду семантических и грамматических признаков, и требует отдельного рассмотрения (см., например, [Нахрачева 2021]). Здесь мы обсуждаем только параметры, необходимые для представления семантики глагола *χэјті*.

- (14) *an pāsān ewəlt il pit-əs, χə́t χә́rij-a χэ́ј-əs pa ar-a šūkat-əs.*
 чашка стол с вниз падать-PST[3SG] пол-DAT задеть-PST[3SG] и много-DAT ломаться-PST[3SG]
 ‘Чашка упала со стола, ударила об пол и разбилась’.
- (15) *iki pāsān māšək-ən χә́тсә́-əs.*
 мужчина стол кулак-LOC ударить-PST[3SG]
 ‘Мужчина ударил кулаком по столу’.

Таблица 1. Некоторые типы контакта и их лексикализация в казымском диалекте хантыйского языка

	Случайный	Намеренный
Сильный контакт	<i>χэ́јті</i> ‘удариться’	<i>χә́тсә́ти</i> ‘ударить, стукнуть’
Слабый контакт	<i>χэ́јті</i> ‘задеть, тронуть, коснуться’	<i>ketāmti</i> ‘тронуть, коснуться, трогать’

Глагол *χэ́јті* в значении слабого контакта может также стативизироваться и употребляться в особой конструкции уровня или дистанции, ср. пример (16), а также близкую, но не тождественную русскую конструкцию *Х касается Y* (*Ветка касается окна*), тоже обозначающую очень маленькое расстояние между двумя объектами. Такое употребление упоминается как подзначение значения 1 в словаре [Соловар 2014], подтверждается корпусными данными и опросами носителей, но не приводится в словаре [Лозямова 2020].

- (16) *ime-λ tərəm χən ike-λ pitər-ən šāta*
 жена-POSS.3SG небо царь мужчина-POSS.3SG край-LOC там
ə́məs-əl, lā́ŋkər-ŋəl wət'sa χэ́ј-mān.
 сидеть-NPST[3SG] плечо-DU.POSS вместе тронуть-CONV
 ‘Его нареченная возле Небесного царя сидит, их плечи соприкасаются — близко очень сидят’.
 (КХТ: «Мальчик с той стороны»)

Идея случайного контакта закономерно распространяется на ситуации случайного попадания в некоторую цель, ср. ‘молния попала в дерево’, ‘стрела попала ему в руку’ (значение 3 по [Соловар 2014], 2 по [Лозямова 2020]). От только что рассмотренных ситуаций случайного контакта их отличает обязательный компонент направленного перемещения одного из объектов, закономерным результатом которого становится столкновение этого объекта с некоторым другим. Перемещение может быть намеренно инициировано некоторым волевым агентом, и контакт двух объектов может быть вполне желаемым, ср. ‘Х попал стрелой в яблоко’. Однако при этом сам процесс перемещения полностью не контролируется,

а потому не в полной мере контролируется и его завершающая фаза — контакт с другим объектом, что, по-видимому, и позволяет использовать в таких контекстах глагол *χɔjti*, см. (17).

- (17) *aj ike-t m'ač šūk-el iśñij-a χɔj-əs.*
 мальчик-PL мяч кусок-POSS.3PL окно-DAT попасть-PST[3SG]
 ‘Мяч у мальчишек в окно попал’.

Промежуточный случай между ситуациями случайного контакта, не подразумевающего предварительной фазы направленного перемещения, и попаданием в цель — ситуация случайного столкновения движущегося объекта с препятствием. В таких ситуациях компонент перемещения обязателен, но контакт с другим объектом является не закономерным завершением перемещения, а внезапно прерывающим его фактором. В казымском диалекте хантыйского языка эти промежуточные случаи также описываются глаголом *χɔjti*, ср. (18).

- (18) *oχəl-ŋən wot'sa χɔj-s-əŋən.*
 нарта-DU вместе задеть-PST-3DU
 ‘Две нарты столкнулись’.

4. Зона вариативности: конкуренция *χɔjti* и *pitti*

В разделах 2 и 3 мы показали, что и глагол *pitti*, и глагол *χɔjti* могут употребляться в контекстах, соответствующих сфере употребления русского глагола *попасть*. Однако эти контексты были не идентичны для *pitti* и *χɔjti*, и использование в переводах одного и того же русского эквивалента объясняется в том числе неоднозначностью последнего. В этом разделе мы обсудим подробнее, какие именно значения выделяются внутри зоны попадания, как они связаны между собой и как соотносятся с идеями неконтролируемого движения вниз и случайного непосредственного контакта.

Итак, прототипическое падение сверху вниз — это неконтролируемое перемещение некоторого траектора X из пункта А в пункт В, причем А находится выше В. Результатом такого события становится изменение локализации X-а, причем из-за того, что такое перемещение не контролируется траектором, точка В, в которой он в итоге окажется, т. е. его новая локализация, не в полной мере предсказуема. Во многих языках эта семантика неконтролируемого движения вниз выделяется лексически (ср. русск. *падать*, англ. *fall* и др., см. [Рахилина и др. 2020]), но заведомо не во всех: иногда она обобщается до идеи неконтролируемой смены локализации объекта, вне зависимости от того, движение какого рода и в каком направлении привело к этой смене. Именно такое обобщение (которое с теоретической точки зрения представляет собой пример метонимии, очень близкой к результативной, см. [Падучева 2004]) характерно для хантыйского глагола *pitti*, но не только для него. Аналогичное совмещение значений засвидетельствовано в некоторых кавказских языках (в частности, в нахско-дагестанских агульском [Резникова, Мерданова 2020] и рутульском [Наследскова, Неткачев 2020], а также в абхазо-адыгском адыгейском [Багиорокова, Рыжова 2020]). Согласно Каталогу семантических переходов DatSemShift⁶ [Zalizniak et al. 2012; Zalizniak 2018], такая полисемия встречается и в менее экзотических языках, например в скандинавских (норвежском, шведском, исландском) и во французском. С некоторыми оговорками это совмещение может быть постулировано и для русского языка, где глаголы *упасть* и *попасть* очевидно однокоренные.

Если при таком неконтролируемом перемещении конечной точкой оказывается не пространство (понимаемое в широком смысле, как место, где траектор может локализоваться), а другой объект, то результатом такого перемещения становится не новая локализация субъекта, а его контакт с другим объектом. Так мы получаем другое значение в зоне ‘попасть’, которое выше (в разделе 3) мы охарактеризовали как случайное попадание в цель. Оно, в свою очередь, уже близко к семантическому полю глаголов контакта, что также подтверждается типологическими данными, ср., например, англ. *hit the target* или русск. *Молния ударила в дерево* (наряду с *Молния попала в дерево*).

Таким образом, мы имеем дело с континуумом лексических значений, на одном полюсе которого находятся глаголы контакта, на другом — глаголы падения, а в промежутке между ними располагается зона попадания, одна часть которой — попадание в цель — ближе к семантике контакта, а другая — смена локализации — ближе к семантике падения. В казымском диалекте хантыйского языка левая часть этого континуума покрывается глаголом *χɔjti*, а правая — глаголом *pitti*, в то время как в русском языке два промежуточных значения объединяются глаголом *попасть*, а для полюсов используются свои лексические средства (см. рис. 1).

⁶ <http://datsemshift.ru>

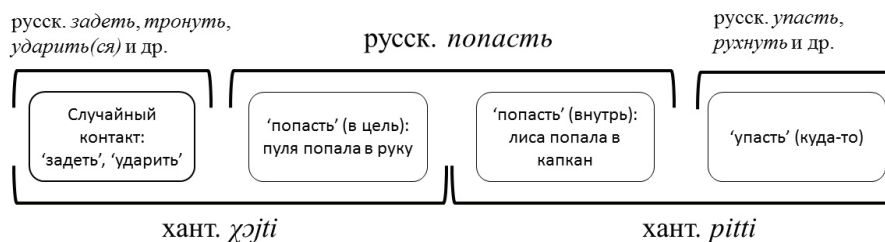

Рис. 1. Лексический континуум между зонами контакта и падения

До сих пор мы говорили в основном о близости значения 'попасть (в цель)' к семантике контакта, с одной стороны, и о сходстве между значениями смены локализации ('попасть (внутрь)' на рис. 1) и падения — с другой. Предположение о том, что промежуточные значения смежны между собой, подкрепляется как будто только русским материалом, а именно глаголом *попасть*, который передает и одно, и другое. Такой способ лексикализации этого фрагмента лексико-семантического пространства, по нашим предварительным данным, скорее редкость: пока нам не встретилось ни одного глагола, который бы, как и *попасть*, объединял два центральных значения континуума и не захватывал при этом ни один из полюсов.

Однако известны случаи, когда лексема, относящаяся к одному из полюсов, распространяется на оба значения из зоны 'попасть', а не только на смежное с ней. Так, например, в адыгейском языке глагол падения *-fe-* может обозначать и смену локализации, и попадание в цель [Багирова, Рыжова 2020]. Есть основания предполагать, что аналогичная полисемия характерна и для турецкого базового глагола падения *düşmek* [Кадырова 2020], см. примеры (19—20).

(19) *Hastane-ye düş-müş.*

больница-DAT падать-PST2[3SG]

'Он попал в больницу'. [Кадырова 2020: 561]

(20) *Yıldırım ev-e düş-tü.*

молния дом-DAT падать-PST

'Молния попала в дом'. (База BivalTyp⁷, пример на реализацию предиката 79 'попасть')

О смежности двух значений из зоны 'попасть' свидетельствуют и данные казымского диалекта хантыйского языка, поскольку именно в этой зоне наблюдается вариативность в употреблении глаголов *χəjti* и *pitti*. Так, глагол *pitti* может распространяться на значение попадания в цель. Нам не встретилось таких примеров в корпусах и словарях, но для многих носителей они допустимы, ср. пример (21), полученный нами в ходе элицитации в качестве перевода русского стимула *Стрела попала ему в руку*.

(21) *jəš-əλ ɲəλ-ən pit-s-a.*

рука-POSS.3SG стрела-LOC падать-PST-PASS[3SG]

'Стрела попала ему в руку'.

В свою очередь, глагол *χəjti* расширяется на значение смены локализации. Такие употребления *χəjti* встречаются в корпусе, фиксируются в словаре [Соловар 2014] и упоминаются в [Нахрачева 2021], см. примеры (22—23)⁸.

(22) *jŷχ-eλ ɛsl-əm-t-eλ-ən wase-t pilt-a śi χəj-λ-ət.*палка-POSS.3PL отпустить-PUNCT-IPFV.PART-POSS.3PL-LOC утка-PL перевес-DAT FOC зайти⁹-NPST-3PL

'Когда они отпускают сторожевую палку, утки попадают в перевес'. (KXT: «Перевес»)

(23) *χəλp-əλ χŷλ-ən χəj-s-a.*сеть-POSS.3SG рыба-LOC задеть-PST-PASS[3SG]¹⁰

'Рыба попала в сеть'. [Соловар 2014: 332]

⁷ <https://www.bivaltyp.info>⁸ В словаре [Лозьямова 2020] в списке значений глагола *χəjti* есть и 'попасть', однако никаких дополнительных экспликаций не дается, и приводится пример только на значение попадания в цель.⁹ Глагол *χəjti* в значении 'попасть', как и глагол *pitti*, глоссируется в корпусе по-разному в разных контекстах: корень может получать переводы «попасть», «зайти» или «тронуть», и система в выборе перевода не всегда прослеживается.¹⁰ Глоссы мои. — Д. Р.

Вариативность в употреблении *χɔʃti* и *pitti* мы отобразили на рис. 2. В следующем разделе мы рассмотрим, как она связана с аргументной структурой этих глаголов и с особенностями морфологического кодирования их аргументов.

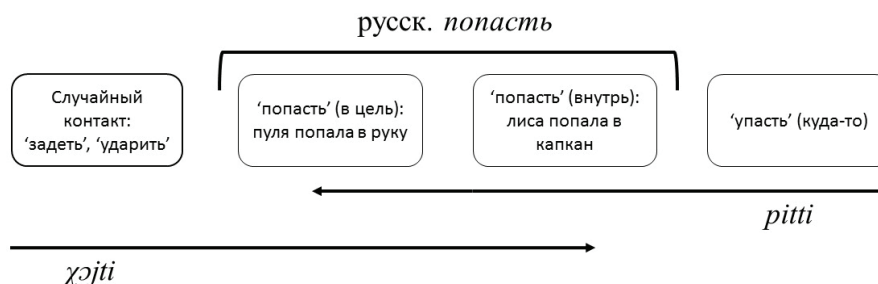

Рис. 2. Зона вариативности *χɔʃti* и *pitti*.

5. Аргументная структура глаголов *χɔʃti* и *pitti*

5.1. Оформление актантов при глаголе *pitti*

В предыдущих разделах мы выделили четыре семантические макрозоны, в которых могут употребляться интересующие нас глаголы *χɔʃti* и *pitti*. Для этих зон характерны несколько разные семантические структуры: разные сценарии и, как следствие, разные наборы участников.

В функции глагола падения *pitti* с аргументно-структурной точки зрения ведет себя в целом как классический глагол движения (ср., например, [Апресян 1974]): он может вводить начальную и конечную точку перемещения, в том числе в рамках одной клаузы (*модель локализованного движения* по [Соловар 2011]), см. (24).

- (24) *an-ew pāsan ewəlt kāt'-ew ɔχtij-a pit-əs.*
 чашка-POSS.1PL стол с кот-POSS.1PL на-DAT падать-PST[3SG]
 'Чашка упала со стола прямо на кота'.

Между тем этот предикат в большей степени ориентирован на конечную точку, чем на начальную. В этом тоже нет ничего необычного: известно, что такая тенденция характерна для глаголов движения в языках мира, в том числе неродственных, разноструктурных и ареально далеких друг от друга [Ikegami 1987; Johanson et al. 2019; Корецка, Vuillermet 2021 и мн. др.]. Однако ориентация на конечную точку может, в свою очередь, проявляться в разных языках и у разных предикатов в неравной степени [Stefanowitsch, Rodhe 2004; Nikitina 2009], и *pitti*, по-видимому, относится к предикатам, у которых ориентация на цель перемещения выражена особенно ярко.

Это проявляется, во-первых, в морфологическом оформлении его аргументов: начальная точка вводится с помощью послелога *ewəlt* 'с, от', в то время как участник с ролью конечной точки обычно маркируется дативом¹¹, т. е. для кодирования конечной точки требуется меньше морфологического материала (о более коротких формах как о менее маркированных см. [Haspelmath 2021]).

Во-вторых, участник с ролью конечной точки может повышаться до роли субъекта посредством пассивизации; траектор при этом понижается до косвенного участника и оформляется локативом (25). Подробнее о пассиве движения в хантыйском языке см. [Муравьев 2022].

- (25) *pet'a-j-en nıw pıl-en elti pit-s-a.*
 Петя-EP-POSS.2SG ветка кусок-LOC сверху падать-PST-PASS[3SG]
 'Пете ветка на голову упала'. [Муравьев 2022]

В-третьих, ориентация на конечную точку прослеживается у *pitti* и на синтаксическом уровне, что проявляется, в частности, в его сочетаемости с пространственными превербами. Согласно [Лельхова 2013], в шурышкарском диалекте хантыйского языка глагол *pitti* в значении падения почти всегда выступает в сочетании с превербом *il* 'вниз'. Для казымского диалекта мы фиксируем аналогичную тенденцию, однако в некоторых контекстах наличие преверба все же необязательно. В частности, преверб

¹¹ В некоторых случаях участник с ролью конечной точки перемещения может маркироваться послелогом, оформленным показателем датива [Кошкарева 2018]. Судя по нашим данным, это происходит тогда, когда конечная точка дискурсивно выделена, ср. (24). Однако этот вопрос требует дополнительного изучения.

при глаголе *pitti* имеет тенденцию опускаться при наличии в предложении поверхностно выраженной конечной точки перемещения. Это отмечается в [Ванеян и др. 2020, Соловар 2019] и подтверждается нашими данными, хотя сразу оговоримся, что некоторые носители не придерживаются такой стратегии и не опускают преверб *il* ‘вниз’, даже если участник с ролью конечной точки перемещения выражен поверхностно, ср. пример (26).

- (26) *χət qχtij-a jŭχ (ʔil) pit-əs.*
 дом на-DAT дерево вниз падать-PST[3SG]
 ‘Дерево упало на дом’.

Интересно также, что *il* ‘вниз’ выступает в качестве обозначения дефолтной, неспецифицированной конечной точки, в роли которой обычно выступает пол или земля. Так, пример (27) является переводом с русского стимула *Чашка упала со стола на пол*, выдаваемым носителями в качестве первого, базового варианта.

- (27) *an pāsān ewəlt il pit-əs.*
 чашка стол с вниз падать-PST[3SG]
 ‘Чашка упала со стола на пол’.

Для вертикально ориентированных вытянутых объектов небольшого размера, которые могут быть установлены на приподнятой поверхности (ваза, бутылка и т. п.), возможны два типа падения: перемещение всего объекта сверху вниз (с приподнятой поверхности на землю / на пол) vs. потеря вертикальной ориентации, при которой основание объекта никуда не перемещается [Рахилина и др. 2020]. Ситуации первого типа закономерно описываются с помощью преверба *il* ‘вниз’, в то время как в ситуациях второго типа преверб замещается наречием *pelkan* ‘набок’, ср. примеры (28) vs. (29). Подчеркнем, что потеря вертикальной ориентации объектами, которые расположены на базовой поверхности — на земле или на полу, — описывается с помощью преверба *il* ‘вниз’, см. (30).

- (28) *kewan pāsān ewəlt il pit-əs pa ar-a šŭkat-əs.*
 бутылка стол с вниз падать-PST[3SG] и много-DAT ломаться-PST[3SG]
 ‘Бутылка упала со стола и разбилась’.

- (29) *kewan pelkan pit-əs pa jŭk-əł χŭwat ar-a ščšij-əs. pāsān*
 бутылка набок падать-PST[3SG] и вода-POSS.3SG вдоль много-DAT литься-PST[3SG] стол
 ‘Бутылка упала, и вода разлилась по всему столу’.

- (30) *tŭt-en il pit-əs.*
 дерево-POSS.2SG вниз падать-PST[3SG]
 ‘Дерево упало’.

Морфосинтаксический статус (аффикс vs. модификатор vs. аргумент при глаголе) и семантический вклад пространственных превербов при глаголах движения в хантыйском языке еще нуждается в дополнительном исследовании (об их функциях, связанных с актуальным членением высказывания, см. [Кошкарева 2018]). В случае с глаголом *pitti* мы можем предварительно заключить, что при нем слот для участника с ролью конечной точки всегда заполнен — либо именной группой, либо наречием, либо превербом.

В тех случаях, когда *pitti* передает значение смены локализации (‘попасть (внутри)’), аргументы при нем получают такое же морфосинтаксическое оформление, как и при глаголе *pitti* в значении падения, см. примеры (6)–(7). Различие, однако, состоит в том, что начальная точка перемещения почти никогда не выражается, а поверхностное выражение конечной точки дополнительно распределено с наличием пространственного преверба еще более последовательно.

Тем самым, морфосинтаксическое кодирование аргументов глагола *pitti* в значениях ‘упасть’ и ‘попасть’ одинаково, и в целом провести границу между этими двумя типами употреблений *pitti* не всегда просто. Эта полисемия очень давняя: она фиксируется в этимологическом словаре [Steiniz 1966] и характерна, в том числе, для мансийского когната *pitti patuŋkw*, см. [Харитонов, Жорник 2021]. Можно сказать, что *pitti* — это не столько глагол падения, сколько предикат с более общим значением неконтролируемой смены локализации, или, другими словами, вхождения в некоторое новое локативное состояние.

Эта гипотеза хорошо согласуется с характерной для *pitti* тенденцией к выделению конечной точки по сравнению с начальной, а также поддерживается набором переносных значений *pitti* (и даже в большей степени — его мансийского когната *patuŋkw*). Как мы уже упоминали в разделе 2, *pitti* грамматикализуется в показатель инхотатива и обозначает вхождение в любое состояние, уже не только пространственное, или начало процесса, см. (31), — значения, логично вытекающие из семантики смены локализации.

- (31) *šǎłta lǎw wǝš-ǎł-a jǝxi mǎn-ǎs pa jǝłli wǝł-ti pit-ǎs.*
 потом он город-3SG-DAT домой идти-PST и вперед жить-IPFV.PART стать-PST
 ‘Потом он в город вернулся и стал дальше жить’. (КХТ: «Богатырь»)

Кроме того, такой взгляд на семантику *pitti* позволяет объяснить обязательность употребления при нем пространственных провербов, которая снимается при наличии в высказывании поверхностно выраженной конечной точки. Коллексификация значения ‘упасть’ со значением ‘попасть’ приводит к тому, что глагольный корень сам по себе не может кодировать направление движения (компонент Path в терминологии [Talmy 1985, 2000])¹². Функция кодирования компонента Path (т. е. направления перемещения) при глаголе *pitti* переходит к сателлиту, роль которого в казымском диалекте хантыйского языка выполняют как раз пространственные проверки. В тех же случаях, когда в ситуации перемещения явно определена конечная точка, в дополнительном маркировании направления движения нет необходимости (см. [Ungerer, Schmidt 1996]), и проверб может быть опущен.

5.2. Морфологическое кодирование актантов при глаголе *χjti*

Как мы уже говорили выше, в ситуации случайного контакта есть два основных фигуранта: два соприкасающихся или соударяющихся (в зависимости от силы контакта) объекта. Поскольку контакт случаен, участники почти равноправны: ни один из них не оказывает намеренного воздействия на другой. Различие между ними, однако, состоит в том, что один обычно находится в движении (контролируемом или нет, но заведомо не направленном в сторону второго участника) и, тем самым, становится причиной контакта. Этот движущийся объект обладает более агентивным статусом, а неподвижный, соответственно, более пациентивным (согласно [Dowty 1991]). Агентивный участник при глаголе *χjti*, выступающем в значении случайного контакта, оформляется номинативом (т. е. не маркируется), а пациентивный — дативом, см. (33)¹³.

- (33) *kinška-j-en il pit-m-ǎł-en waza-j-a χj-ǎs.*
 книга-EP-POSS.2SG вниз падать-PFV.PART-3SG-LOC ваза-EP-DAT задеть-PST[3SG]
 ‘Когда книга падала, она задела вазу’.

Поскольку *χjti* предполагает точечный контакт, иногда в высказывании уточняется, какими именно частями объекты соприкоснулись. Чаще всего для этого используется посессивная конструкция, в которой точка приложения оформляется показателем посессива, согласующимся по лицу и числу с посессором, а сам посессор не является прямым зависимым глагола, см. (34).

- (34) *kǎnš ǎłj-em pǎsan-a χj-ǎs.*
 локоть-POSS.1SG стол-DAT задеть-PST[3SG]
 ‘Я ударился локтем об стол’. [Соловар 2014: 129]¹⁴

Возможно, однако, и расщепление валентности агентивного участника (в терминах [Апресян 2006]), которое можно рассматривать также как подъем посессора. В таких случаях посессор оформляется номинативом, а точка приложения — локативом, и обе именные группы синтаксически зависят непосредственно от предиката, см. (35).

- (35) *ma kǎr-en m’ǎč šǎk-a χj-s-ǎm.*
 я нога-LOC мяч кусок-DAT задеть-PST-1SG
 ‘Я (случайно) попал ногой по мячу’.

Значение попадания в цель также предполагает двух основных участников, но с несколько иными ролями: это движущийся объект (траектор или тема) и объект, который условно можно назвать мише-

¹² Так, пример (32) можно понять двояко: мешок либо упал в грязь, либо просто испачкался (т. е. «попал» в грязь). Такие примеры не приветствуются носителями: в подобных случаях наши респонденты предпочитали использовать более специализированный глагол *rǎkǎnti* ‘падать’ для снятия неоднозначности в пользу семантики падения.

- (32) *xir ǝχǎł ewǎłt wǝšlǎχ-a rǎkn-ǎs / ?pit-ǎs.*
 мешок нарта с грязь-DAT падать-PST[3SG]
 ‘Мешок упал с нарты в грязь’.

¹³ В ситуации, когда оба объекта находятся в движении и, соответственно, равноправны, используется симметричная реципрокальная конструкция, см. (18).

¹⁴ Глоссы мои. — Д. Р.

нью-пациенсом — его «поражением» оканчивает свое перемещение траектор. Поскольку перемещение траектора может быть кем-то каузировано, в структуре ситуации может также присутствовать агенс-каузатор. Мишень-пациенс при глаголе *χɔjti* в значении ‘попасть’ оформляется дативом, траектор — номинативом. Агенс-каузатор кодируется подобно агентивному участнику в ситуациях случайного контакта: либо оформляется с помощью посессивной конструкции (17), либо выдвигается в позицию субъекта, а траектор при этом маркируется локативом (36). В ситуации попадания в цель из оружия оружие оформляется либо как инструмент, т. е. локативом, либо как начальная точка перемещения, т. е. последом *ewəlt* ‘с, от’ (37).

- (36) *aj ike-t m'ač šūk-ən išñij-a χɔj-s-ət.*
 мальчик-PL мяч кусок-LOC окно-DAT задеть-PST-3PL
 ‘Мальчишки попали мячом в окно’.

- (37) *waśa-j-en (joxλ-ən / pōškan ewəlt) tōχλəŋ_wɔj-a χɔj-əs.*
 Вася-EP-POSS.2SG (лук-LOC / ружье с) птица-DAT задеть-PST[3SG]
 ‘Вася попал (из лука / из ружья) в птицу’.

Таким образом, мы видим, что при глаголе *χɔjti* (и в значении случайного контакта, и в значении попадания в цель) участник с ролью мишени-пациенса оформляется так же, как конечная точка при глаголах движения — показателем датива. Этот участник при *χɔjti* имеет столь же высокий статус, что и конечная точка при *pitti*: он тоже может повышаться до позиции субъекта при пассивизации, см. (23) выше, а также не может быть опущен, ср. (38).

- (38) *ma iλ pit-s-ət pa ōχ-əm-ən *(kew šɔp-a) χɔj-s-əm.*
 я вниз падать-PST-1SG и голова-POSS.1SG-LOC камень кусок-DAT попасть-PST-1SG
 ‘Я упал и ударился *(о камень) головой’.

Обращает на себя внимание непереходность глагола *χɔjti*. С типологической точки зрения такое морфосинтаксическое оформление актантов неудивительно для предиката со значением попадания в цель, см., например, статистику по данным проекта BivaTur, в рамках которого собраны данные о типах кодирования участников при 130 двухместных предикатах в 80 языках [Сай 2018], приведенную на рис. 3.

Рис. 3. Распределение паттернов кодирования участников при предикате ‘попасть’ по данным BivaTur. Красным отмечены языки, в которых предикат со значением ‘попасть (в цель)’ переходный, а желтым — языки, в которых пациентивный участник кодируется косвенными средствами.

Однако для глагола контакта такая модель управления скорее необычна. Это особенно очевидно для глаголов намеренного контакта, ср. предикат ‘ударить’, которому почти во всех языках выборки BivaTur соответствует переходный глагол (рис. 4). Для глаголов ненамеренного контакта (лучше всего в базе BivaTur этой семантике соответствует предикат ‘дотронуться’) эта тенденция выражена не так

ярко, но все равно прослеживается (рис. 5)¹⁵. В работе [Соловар 2011] модель воздействия субъекта на объект также предполагает только переходное оформление актантов, однако глагол *χɔʃti* среди представителей этой семантической группы не упоминается. Г. Л. Нахрачева указывает переходную модель в качестве базовой для хантыйских глаголов прикосновения, причем центральным глаголом этой зоны автор предлагает считать именно *χɔʃti* [Нахрачева 2021].

Рис. 4. Распределение паттернов кодирования участников при предикате ‘ударить’ по данным BivalTyp.

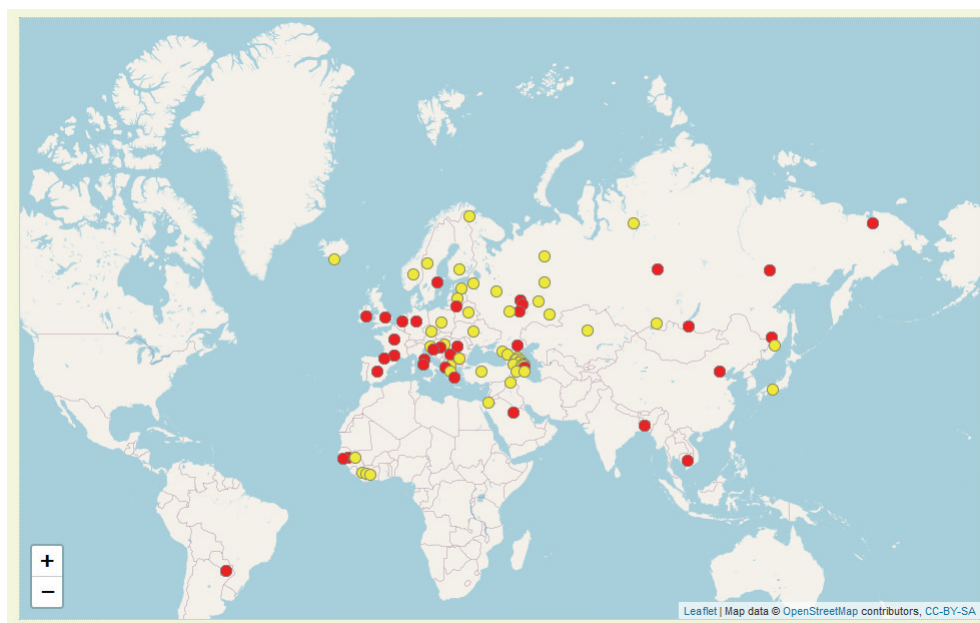

Рис. 5. Распределение паттернов кодирования участников при предикате ‘дотронуться’ по данным BivalTyp.

Согласно нашим данным, глагол *χɔʃti* используется в переходной конструкции, но лишь эпизодически. Такие примеры приводятся в словаре [Соловар 2014], см. (39), встречаются в корпусе и подтвер-

¹⁵ Заметим, однако, что эта статистика во многом зависит от выбора основного варианта перевода стимула из анкеты проекта: (*Стена недавно была покрашена*). П. *дотронулся до стены (и испачкался)*. В русском языке для описания подобной ситуации могли бы использоваться глаголы с разными моделями управления, в том числе переходные, ср. *тронул/задел стену*. Лексико-семантические различия между этими глаголами еще не вполне очевидны, а потому сложно подобрать контексты, которые позволили бы их однозначно различить.

ждаются носителями. Однако в целом модель, при которой мишень-пациент оформляется дативом, в корпусе скорее преобладает (из 16 употреблений *χʲjti* в значении физического воздействия в подкорпусе казымского диалекта КХТ только в одном случае очевидно, что участники кодируются по переходной модели; среди 7 примеров в OUDB такого нет ни одного), и именно дативная модель выдается нашими консультантами в качестве основного варианта.

- (39) *as-el mewəl-ən χʲj-s-əle.*
отец-POSS.3SG грудь-LOC задеть-PST-3SG.SO
'Он отца грудью задел'. [Соловар 2014: 167]¹⁶

Можно предположить, что модель управления *χʲjti* изначально была переходной, а затем изменилась под воздействием глагола *pitti*, с которым *χʲjti* сближается в зонах попадания в цель и смены локализации. Если это действительно так, то такой морфосинтаксический эффект можно считать дополнительным обоснованием для постулирования семантического континуума между зонами контакта и падения, схематически изображенного на рис. 1 и 2: смежность этих значений подтверждается не только лексической, но и морфосинтаксической вариативностью в соответствующих зонах.

Это предположение можно было бы подтвердить или опровергнуть, проверив на типологическом материале, насколько часто по языкам мира непереходное кодирование второго участника (мишени-пациента) при предикате 'попасть (в цель)' совпадает с маркированием конечной точки при глаголах движения. К сожалению, база BivalTur не позволяет этого сделать, поскольку в ней не представлены предикаты движения — как имеющие прототипически больше двух валентностей. Однако казымский диалект хантыйского языка, в котором в зоне попадания используется глагол контакта, требующий при этом морфосинтаксического кодирования участников по модели глаголов падения, наглядно показывает, что такое типологическое исследование может дать интересные результаты.

6. Заключение

Мы рассмотрели нетривиальный фрагмент лексической системы казымского диалекта хантыйского языка и определили область и причины конкуренции двух глаголов с очень далекими друг от друга, как кажется на первый взгляд, исходными значениями.

Этот анализ позволил нам выявить лексико-семантическую зону, интересную для дальнейших типологических исследований: область, которую условно можно назвать зоной попадания. Необычность ее состоит в том, что она находится на стыке по крайней мере двух семантических полей: зоны контакта и зоны падения. Поскольку и для области контакта, и для поля падения она периферийна, она обычно ускользает от внимания исследователей. Так, семантика 'попасть' почти совсем не рассматривается в сборнике по типологии глаголов падения [Рахилина и др. 2020], соответствующих значений либо совсем нет в лексико-типологических базах (например, в базе колексификаций CLICS), либо они представлены там очень скудно (например, в Каталоге семантических переходов DatSemShift).

Между тем с теоретической точки зрения эта зона очень интересна именно из-за промежуточности своего положения. Неизвестно, находится ли она на стыке двух или более полей, возможны ли дополнительные лексические противопоставления внутри самой зоны попадания (ср. русск. *попасть* vs. *оказаться*, *очутиться* и даже *появиться* и *нарисоваться*), как устроена зона контакта и с какой именно ее частью смежно попадание. Всё это еще только предстоит выяснить.

Кроме того, хантыйский материал обнаруживает еще один интересный аспект этой семантической смежности — морфосинтаксический. Соседство может проявляться не только в «заимствовании» слов из соседних полей, но и в «заимствовании» морфосинтаксических моделей, что, насколько нам известно, до сих пор очень редко попадало в центр внимания лексических типологов и тоже нуждается в системном анализе на широком типологическом материале.

Сокращения

Глоссы

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо
ATTR — атрибутивизатор
CAR — каритив

CONV — конверб
DAT — датив
DIM — диминутив

DU — двойственное число
EP — эпентеза
EV — эвиденциальная форма

¹⁶ Глоссы мои. — Д. Р.

FOC — фокус	NSG — неединственное число	PST — прошедшее время
IMP — императив	PART — причастие	PST2 — второе прошедшее время
IPFV — имперфектив	PASS — пассив	PUNCT — пунктив
LOC — локатив	PFV — перфектив	SG — единственное число
NEG — отрицательная частица	PL — множественное число	SO — субъектно-объектное согласо-
NPST — непрошедшее время	POSS — посессив	вание

Источники

KXT — Корпус текстов на хантыйском языке, собранный Е. В. Кашкиным в рамках Программы фундаментальных исследований президиума РАН «Корпусная лингвистика» (2012—2014 гг.).

BivalTyp — S. Say (Ed.). *BivalTyp: Typological database of bivalent verbs and their encoding frames*. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS // <https://www.bivaltyp.info>, 2020. (Дата обращения 16.02.2022).

CLICS — C. Rzymiski, T. Tresoldi, S. J. Greenhill, M. S. Wu, N. E. Schweikhard, M. Koptjevskaja-Tamm, V. Gast, T. A. Bodt, A. Hantgan, G. A. Kaiping, S. Chang, Y. Lai, N. Morozova, H. Arjava, N. Hübner, E. Koile, S. Pepper, M. Proos, B. Van Epps, I. Blanco, C. Hundt, S. Monakhov, K. Pianykh, S. Ramesh, R. D. Gray, R. Forkel, J.-M. List. The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies. DOI: 10.1038/s41597-019-0341-x // <https://clics.clld.org/>, 2019. (Дата обращения 16.02.2022).

DatSemShift — A. Zalizniak, A. Smirnitskaya, M. Russo, I. Gruntov, T. Maisak, D. Ganenkov, M. Bulakh, M. Orlova, M. Bobrik-Fremke, O. Dereza, T. Mikhailova, M. Bibaeva, M. Voronov. Database of Semantic Shifts. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences // <http://datsemshift.ru/>, 2016—2020. (Дата обращения 16.02.2022).

OUDB — Data from Ob-Ugric database: analysed text corpora and dictionaries for less described Ob-Ugric dialects // www.oudb.gwi.uni-muenchen.de/, 2014—2017. (Дата обращения 16.02.2022).

Литература

Апресян 1974 — Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М., 1974.

Апресян 2006 — Ю. Д. Апресян. Типы соответствия семантических и синтаксических актантов // Проблемы типологии и общей лингвистики. Междунар. конф., посвященная 100-летию со дня рождения проф. А. А. Холодовича / Сост., ред. В. С. Храковский, С. Ю. Дмитриченко, Н. М. Заика. СПб., 2006. С. 15—27.

Багирова, Рыжова 2020 — И. Г. Багирова, Д. А. Рыжова. Метафоры глаголов падения в адыгейском языке // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2020, 5 (79). С. 69—86.

Ванеян и др. 2020 — С. С. Ванеян, С. Ю. Толдова, В. А. Железнова (Наумова). Глаголы падения в хантыйском языке // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН*. 2020, 16 (1). С. 435—461.

Кашкин 2017 — Е. В. Кашкин. Лексика уральских языков и типология: опыт исследования хантыйских глаголов падения // Материалы конф., посвященной 85-летию со дня рождения А. И. Кузнецовой. МГУ имени М. В. Ломоносова, 2017. URL: <http://darwin.philol.msu.ru/library/seminars/aik85konf/Kashkin.pdf>.

Кошкарёва 2018 — Н. Б. Кошкарёва. Бытийно-пространственные типовые синтаксические структуры и их семантика в хантыйском и ненецком языках // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. № 9. С. 53—65.

Кошкарёва, Соловар 2007 — Н. Б. Кошкарёва, В. Н. Соловар. Увты муй ўвты: курс практической фонетики хантыйского языка (казымский диалект). Новосибирск, 2007.

Лельхова 2012 — Ф. М. Лельхова. Словарь глаголов хантыйского языка (шурышкарский диалект). Ханты-Мансийск, 2012.

Лельхова 2013 — Ф. М. Лельхова. Семантическая структура глаголов движения *питты*, *рйкэнтты* 'падать' в хантыйском языке // Вестн. угроведения. 2013, 4 (15). С. 52—57.

Лельхова 2014 — Ф. М. Лельхова. Глаголы вертикального движения с семантикой «падать» в хантыйском языке // Вестн. Кем. гос. ун-та. 2014, 4 (60) (1). С. 164—167.

Лозьямова 2020 — З. Н. Лозьямова. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Тюмень, 2020.

Муравьев 2022 — Н. А. Муравьев. Адверсативный пассив от глаголов направленного движения в казымском диалекте хантыйского языка // Сибирский филологический журнал. 2022, 2. С. 201—219.

Наследкова, Неткачев 2020 — П. Л. Наследкова, И. В. Неткачев. К описанию семантического поля падения в рутульском языке // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН*. 2020, 16 (1). С. 801—818.

Наумова 2019 — В. А. Наумова. К типологии метафор: глаголы падения. Маг. дисс. М., 2019.

Нахрачева 2021 — Г. Л. Нахрачева. Семантика глаголов прикосновения в хантыйском языке // Филологический аспект. 2021, 6 (74). С. 36—42.

- Падучева 2004 — *Е. В. Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Рахилина, Резникова 2013 — *Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова*. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013, 2. С. 3—31.
- Рахилина и др. 2020 — Типология глаголов падения / Ред. *Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, Д. А. Рыжова*. Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН [Специальный выпуск]. 2020, 16 (1).
- Резникова, Мерданова 2020 — *Т. И. Резникова, С. Р. Мерданова*. Как языку обойтись без глаголов падения: семантическое поле неконтролируемого перемещения вниз в агульском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. 2020, 16 (1). С. 757—785.
- Резникова и др. 2020 — *Т. И. Резникова, Е. В. Рахилина, Д. А. Рыжова*. Глаголы падения в языках мира: фреймы, параметры и типы систем // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. 2020, 16 (1). С. 9—63.
- Сай 2018 — Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках / Ред. *С. С. Сай*. СПб., 2018.
- Соловар 2011 — *В. Н. Соловар*. Парадигма простого предложения в хантыйском языке: на материале казымского диалекта. Дисс. ... докт. филол. наук. Йошкар-Ола, 2011.
- Соловар 2014 — *В. Н. Соловар*. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Тюмень, 2014.
- Соловар 2019 — *В. Н. Соловар*. Картина мира хантыйского языка: семантические особенности хантыйских глаголов с превербами *ул* и *ким/кэм* (на фоне мансийского языка) // Хантыйский мир через призму разноструктурных языков. Ханты-Мансийск, 2019. С. 149—187.
- Харитонов, Жорник 2021 — *В. С. Харитонов, Д. О. Жорник*. Модель полисемии глагола *патууке(е)* в мансийском языке // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции XIX Югорские чтения (1 декабря 2020 года, Ханты-Мансийск). Ханты-Мансийск, 2021. С. 91—109.
- Dowty 1991 — *D. Dowty*. Thematic proto-roles and argument selection // Language. 1991, 67. P. 547—619.
- Haspelmath 2021 — *M. Haspelmath*. Explaining grammatical coding asymmetries: Form–frequency correspondences and predictability // Journal of Linguistics. 2021, 57 (3). P. 605—633.
- Honti 1986 — *L. Honti*. Chrestomathia ostiastica. Budapest, 1986.
- Ikegami 1987 — *Y. Ikegami*. «Source» vs. «goal»: A case of linguistic dissymmetry // Concepts of Case / Eds. *R. Dirven, G. Radden*. Tübingen, 1987. P. 122—146.
- Johanson et al. 2019 — *M. Johanson, S. Selimis, A. Papafragou*. The Source-Goal asymmetry in spatial language: language-general vs. language-specific aspects // Language, Cognition and Neuroscience. 2019, 7 (34). P. 826—840.
- Kopecka, Vuillermet 2021 — Source — Goal (a)symmetries across languages. Special issue of Studies in Language. Vol. 45. Iss. 1 / Eds. *A. Kopecka, M. Vuillermet*. Amsterdam, 2021.
- Kuteva et al. 2019 — *T. Kuteva, B. Heine, B. Hong, H. Long, H. Narrog, S. Rhee*. World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge, 2019.
- Nikitina 2009 — *T. Nikitina*. Subcategorization pattern and lexical meaning of motion verbs: a study of the source/goal ambiguity // Linguistics. 2009, 5 (47). P. 1113—1141.
- Nikolaeva 1999 — *I. Nikolaeva*. Ostyak. Languages of the World/Materials, 305. Muenchen, 1999.
- Stefanowitsch, Rohde 2004 — *A. Stefanowitsch, A. Rohde*. The goal bias in the encoding of motion events // Studies in linguistic motivation / Eds. *G. Radden, K.-U. Panther*. Berlin; New-York, 2004. P. 249—267.
- Steinitz 1966 — *W. Steinitz*. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966.
- Talmy 1985 — *L. Talmy*. Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical forms // Language typology and lexical description. Vol. 3. Grammatical categories and the lexicon / Ed. *T. Shopen*. Cambridge, 1985. P. 36—149.
- Talmy 2000 — *L. Talmy*. Toward a cognitive semantics. Vol. 2. 2. Typology and process in concept structuring. Cambridge, MA, 2000.
- Ungerer, Schmidt 1996 — *F. Ungerer, H.-J. Schmidt*. An introduction to Cognitive Linguistics. London, 1996.
- Zalizniak 2018 — *A. Zalizniak*. The Catalogue of Semantic Shifts: 20 Years Later // Russian Journal of Linguistics. 2018, 4 (22). P. 770—787.
- Zalizniak et al., 2012 — *A. Zalizniak, M. Bulakh, D. Ganenkov, I. Gruntov, T. Maisak, M. Russo*. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology // New directions in lexical typology. Special issue of Linguistics. 2012, 3 (50) / Eds. *M. Koptjevskaja-Tamm, M. Vanhove*. P. 633—669.

Sources

- BivalTyp — *S. Say* (ed.). BivalTyp: Typological database of bivalent verbs and their encoding frames. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS // <https://www.bivaltyp.info>, 2020. (Accessed on 16.02.2022).
- CLICS — *C. Rzymiski, T. Tresoldi, S. J. Greenhill, M. S. Wu, N. E. Schweikhard, M. Koptjevskaja-Tamm, V. Gast, T. A. Bodt, A. Hantgan, G. A. Kaiping, S. Chang, Y. Lai, N. Morozova, H. Arjava, N. Hübler, E. Koile, S. Pepper, M. Proos*,

B. Van Epps, I. Blanco, C. Hundt, S. Monakhov, K. Pinykh, S. Ramesh, R. D. Gray, R. Forkel, J.-M. List. The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies. DOI: 10.1038/s41597-019-0341-x // <https://clics.ellid.org/>, 2019. (Accessed on 16.02.2022).

DatSemShift — A. Zalizniak, A. Smirnitskaya, M. Russo, I. Gruntov, T. Maisak, D. Ganenkov, M. Bulakh, M. Orlova, M. Bobrik-Fremke, O. Dereza, T. Mikhailova, M. Bibaeva, M. Voronov. Database of Semantic Shifts. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences // <http://datsemshift.ru/>, 2016—2020. (Accessed on 16.02.2022).

KKHT — Korpus tekstov na khantyiskom yazyke. E. V. Kashkin. Programma fundamental'nykh issledovaniy prezidiuma RAN «Korpusnaya lingvistika» {The Khanty texts corpus by E. Kashkin within the program of the Presidium of the Russian Academy of Sciences “Corpus Linguistics”} (2012—2014). Restricted collection.

OUDB — Data from Ob-Ugric database: analysed text corpora and dictionaries for less described Ob-Ugric dialects // www.oudb.gwi.uni-muenchen.de/, 2014—2017. (Accessed on 16.02.2022).

References

Apresyan 1974 — Ju. D. Apresyan. Leksicheskaya semantika: sinonimicheskie sredstva yazyka. M., 1974. {Ju. D. Apresyan. Lexical semantics. Synonymic means of language. Moscow, 1974.}

Apresyan 2006 — Ju. D. Apresyan. Tipy sootvetstviya semanticheskikh i sintaksicheskikh aktantov. In: Problemy tipologii i obshchei lingvistiki. Mezhdunar. konf., posvyashchennaya 100-letiyu so dnya rozhdeniya prof. A. A. Kholodovicha / Sost., red. V. S. Khrakovskii, S. Yu. Dmitrenko, N. M. Zaika. SPb., 2006. S. 15—27. {Ju. D. Apresyan. Correspondence types of semantic and syntactic arguments. In: Problems of typology and general linguistics. International conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of prof. A. A. Kholodovich / Eds. V. S. Khrakovskii, S. Yu. Dmitrenko, N. M. Zaika. Saint-Petersburg, 2006. P. 15—27.}

Bagirokova, Ryzhova 2020 — I. G. Bagirokova, D. A. Ryzhova. Metafora glagolov padeniya v adygeiskom yazyke. In: Izv. RAN. Ser. lit. i yaz. 2020, 5 (79). S. 69—86. {I. G. Bagirokova, D. A. Ryzhova. Metaphors of the Adyghe verbs of falling. In: The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language. 2020, 5 (79). P. 69—86.}

Dowty 1991 — D. Dowty. Thematic proto-roles and argument selection. In: Language. 1991. № 67. P. 547—619.

Haspelmath 2021 — M. Haspelmath. Explaining grammatical coding asymmetries: Form–frequency correspondences and predictability // Journal of Linguistics. 2021, 57 (3). P. 605–633.

Honti 1986 — L. Honti. Chrestomathia ostiaca. Budapest, 1986.

Ikegami 1987 — Y. Ikegami. “Source” vs. “goal”: A case of linguistic dissymmetry. In: Concepts of Case / Eds. R. Dirven, G. Radden. Tübingen, 1987. P. 122—146.

Johanson et al. 2019 — M. Johanson, S. Selimis, A. Papafragou. The Source-Goal asymmetry in spatial language: language-general vs. language-specific aspects. In: Language, Cognition and Neuroscience. 2019, 7 (34). P. 826—840.

Kashkin 2017 — E. V. Kashkin. Leksika ural'skikh yazykov i tipologiya: opyt issledovaniya khantyiskikh glagolov padeniya. In: Materialy konf., posvyashchennoi 85-letiyu so dnya rozhdeniya A. I. Kuznetsovoi. MGU imeni M. V. Lomonosova, 2017. URL: <http://darwin.philol.msu.ru/library/seminars/aik85konf/Kashkin.pdf>. {E. V. Kashkin. Vocabulary of the Uralic languages and typology: the case of the Khanty verbs of falling. In: Proceedings of the conference dedicated to the 85th anniversary of the birth of A. I. Kuznetsova. Lomonosov Moscow State University, 2017. URL: <http://darwin.philol.msu.ru/library/seminars/aik85konf/Kashkin.pdf>.}

Kharitonov, Zhornik 2021 — V. S. Kharitonov, D. O. Zhornik. Model' polisemii glagola *patun'kw(e)* v mansiiskom yazyke. In: Korennye malochislennyye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: traditsii i innovatsii. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii XIX Yugorskie chteniya (1 dekabrya 2020 goda, Khanty-Mansiisk). Khanty-Mansiisk, 2021. S. 91—109. {V. S. Kharitonov, D. O. Zhornik. Model of polysemy of the verb *patun'kw(e)* in the Mansi language. In: Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: traditions and innovations. Proceedings of the Russian Scientific and Practical Conference 19th Yugra Readings (December 1, 2020, Khanty-Mansiysk). Khanty-Mansiysk, 2021. P. 91—109.}

Kopecka, Vuillermet 2021 — Source — Goal (a)symmetries across languages. In: Special issue of Studies in Language. Vol. 45. Iss. 1 / Eds. A. Kopecka, M. Vuillermet. Amsterdam, 2021.

Koshkareva 2018 — N. B. Koshkareva. Bytiino-prostranstvennyye tipovye sintaksicheskie struktury i ikh semantika v khantyiskom i nenetskom yazykakh. In: Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 2018. Vol. 17. Iss. 9. S. 53—65. {N. B. Koshkareva. Existential-spatial typical syntactic structures and their semantics in the Khanty and Nenets languages. In: Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History and Philology. 2018. Vol. 17. Iss. 9. P. 53—65.}

Koshkareva, Solovar 2007 — N. B. Koshkareva, V. N. Solovar. Uvty mui žvty: kurs prakticheskoi fonetiki khantyiskogo yazyka (kazym'skii dialekt). Novosibirsk, 2007. {N. B. Koshkareva, V. N. Solovar. Öwti möj üwti: course of practical phonetics of the Khanty language (Kazym dialect). Novosibirsk, 2007.}

Kuteva et al. 2019 — T. Kuteva, B. Heine, B. Hong, H. Long, H. Narrog, S. Rhee. World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge, 2019.

- Lel'khova 2012 — *F. M. Lel'khova. Slovar' glagolov khantyiskogo yazyka (shuryshkarskii dialekt). Khanty-Mansiisk, 2012. {F. M. Lel'khova. Dictionary of verbs of the Khanty language (Shuryshkary dialect). Khanty-Mansiisk, 2012.}*
- Lel'khova 2013 — *F. M. Lel'khova. Semanticheskaya struktura glagolov dvizheniya pitti, räkanti 'padat' v khantyiskom yazyke. In: Vestn. ugrovedeniya. 2013, 4 (15). S. 52—57. {F. M. Lel'khova. Semantic structure of the verbs of motion pitti, räkanti 'fall' in the Khanty language. In: Bulletin of Ugric studies. 2013, 4 (15). P. 52—57.}*
- Lel'khova 2014 — *F. M. Lel'khova. Glagoly vertikal'nogo dvizheniya s semantikoi "padat" v khantyiskom yazyke. In: Vestn. Kem. gos. un-ta. 2014, 4 (60) (1). S. 164—167. {F. M. Lel'khova. Verbs of vertical motion with the semantics of falling in the Khanty language. In: Bulletin of Kemerovo State University. 2014, 4 (60) (1). P. 164—167.}*
- Lozyamova 2020 — *Z. N. Lozyamova. Khantyisko-russkii slovar' (kazymskii dialekt). Tyumen', 2020. {Z. N. Lozyamova. Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect). Tyumen, 2020.}*
- Murav'ev 2022 — *N. A. Murav'ev. Adversativnyi passiv ot glagolov napravlenno dvizheniya v kazymskom dialekte khantyiskogo yazyka. In: Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2022, 2. S. 201—219. {N. A. Murav'ev. Adversative passive from verbs of directed motion in Kazym Khanty. In: Siberian Journal of Philology. 2022, 2. P. 201—219.}*
- Nakhracheva 2021 — *G. L. Nakhracheva. Semantika glagolov prikosnoveniya v khantyiskom yazyke. In: Filologicheskii aspekt. 2021, 6 (74). P. 36—42. {G. L. Nakhracheva. Semantics of verbs of touching in the Khanty language. In: Filologicheskii aspekt. 2021, 6 (74). P. 36—42.}*
- Nasledskova, Netkachev 2020 — *P. L. Nasledskova, I. V. Netkachev. K opisaniyu semanticheskogo polya padeniya v rutul'skom yazyke. In: Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN. 2020, 16 (1). P. 801—818. {P. L. Nasledskova, I. V. Netkachev. Towards a description of the semantic field 'falling' in Rutul. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2020, 16 (1). P. 801—818.}*
- Naumova 2019 — *V. A. Naumova. K tipologii metafor: glagoly padeniya. Mag. diss. M., 2019. {V. A. Naumova. Towards the typology of metaphors: verbs of falling. Master thesis. Moscow, 2019.}*
- Nikitina 2009 — *T. Nikitina. Subcategorization pattern and lexical meaning of motion verbs: a study of the source/goal ambiguity. In: Linguistics. 2009, 5 (47). P. 1113—1141.*
- Nikolaeva 1999 — *I. Nikolaeva. Ostyak. Languages of the World/Materials, 305. Muenchen, 1999.*
- Paducheva 2004 — *E. V. Paducheva. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki. M., 2004. {E. V. Paducheva. Dynamic models in lexical semantics. Moscow, 2004.}*
- Rakhilina et al. 2020 — *E. V. Rakhilina, T. I. Reznikova, D. A. Ryzhova (red.). Tipologiya glagolov padeniya. In: Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN [Spetsial'nyi vypusk]. 2020, 16 (1). {E. V. Rakhilina, T. I. Reznikova, D. A. Ryzhova (eds.). The typology of the verbs of falling. In: Acta Linguistica Petropolitana [Special issue]. 2020, 16 (1).}*
- Rakhilina, Reznikova 2013 — *E. V. Rakhilina, T. I. Reznikova. Freimovyi podkhod k leksicheskoi tipologii. In: Voprosy yazykoznaniya. 2013, 2. P. 3—31. {E. V. Rakhilina, T. I. Reznikova. Frame-based approach to lexical typology. In: Voprosy yazykoznaniya. 2013, 2. P. 3—31.}*
- Reznikova et al. 2020 — *T. I. Reznikova, E. V. Rakhilina, D. A. Ryzhova. Glagoly padeniya v yazykakh mira: freimy, parametry i tipy sistem. In: Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN. 2020, 16 (1). P. 9—63. {T. I. Reznikova, E. V. Rakhilina, D. A. Ryzhova. Verbs of falling in the languages of the world: frames, parameters, and types of the systems. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2020, 16 (1). P. 9—63.}*
- Reznikova, Merdanova 2020 — *T. I. Reznikova, S. R. Merdanova. Kak yazyku oboitis' bez glagolov padeniya: semanticheskoe pole nekontroliruemogo peremeshcheniya vniz v agul'skom yazyke. In: Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN. 2020, 16 (1). P. 757—785. {T. I. Reznikova, S. R. Merdanova. Doing without verbs of falling: the semantic domain of uncontrolled downward motion in Aghul. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2020, 16 (1). P. 757—785.}*
- Sai 2018 — *Valentnostnye klassy dvukhmestnykh predikatov v raznostrukturnykh yazykakh / Ed. S. S. Sai. SPb., 2018. {Valence classes of two-place predicates in languages of different structures / Ed. S. S. Sai. Saint-Petersburg, 2018.}*
- Solovar 2011 — *V. N. Solovar. Paradigma prostogo predlozheniya v khantyiskom yazyke: na materiale kazym'skogo dialekta. Diss. ... dokt. filol. nauk. Ioshkar-Ola, 2011. {V. N. Solovar. Paradigm of a simple sentence in the Khanty language: Kazym dialect. PhD thesis. Ioshkar-Ola, 2011.}*
- Solovar 2014 — *V. N. Solovar. Kartina mira khantyiskogo yazyka: semanticheskie osobennosti khantyiskikh glagolov s preverbami ił i kim/kem (na fone mansiiskogo yazyka). In: Khantyiskii mir cherez prizmu raznostrukturnykh yazykov. Khanty-Mansiisk, 2019. P. 149—187. {V. N. Solovar. The image of the world of the Khanty language: semantic features of the Khanty verbs with preverbs ił and kim/kem (against the background of the Mansi language). In: The Khanty world through the prism of languages with different structures. Khanty-Mansiisk, 2019. P. 149—187.}*
- Solovar 2014 — *V. N. Solovar. Khantyisko-russkii slovar' (kazymskii dialekt). Tyumen', 2014. {V. N. Solovar. Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect). Tyumen, 2014.}*
- Stefanowitsch, Rohde 2004 — *A. Stefanowitsch, A. Rohde. The goal bias in the encoding of motion events. In: Studies in linguistic motivation / Eds. G. Radden, K.-U. Panther. Berlin; New-York, 2004. P. 249—267.*
- Steinitz 1966 — *W. Steinitz. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966.*

Talmy 1985 — *L. Talmy*. Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical forms. In: *Language typology and lexical description*. Vol. 3. Grammatical categories and the lexicon / Ed. *T. Shopen*. Cambridge, 1985. P. 36—149.

Talmy 2000 — *L. Talmy*. *Toward a cognitive semantics*. Vol. 2. 2. Typology and process in concept structuring. Cambridge, MA, 2000.

Ungerer, Schmidt 1996 — *F. Ungerer, H.-J. Schmidt*. *An introduction to Cognitive Linguistics*. London, 1996.

Vaneyan et al. 2020 — *S. S. Vaneyan, S. Yu. Toldova, V. A. Zheleznova (Naumova)*. Glagoly padeniya v khantyiskom yazyke. In: *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN*. 2020, 16 (1). P. 435—461. {*S. S. Vaneyan, S. Yu. Toldova, V. A. Zheleznova (Naumova)*. Verbs of falling in Kazym Khanty. In: *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020, 16 (1). P. 435—461.}

Zalizniak 2018 — *A. Zalizniak*. The Catalogue of Semantic Shifts: 20 Years Later. In: *Russian Journal of Linguistics*. 2018, 4 (22). P. 770—787.

Zalizniak et al., 2012 — *A. Zalizniak, M. Bulakh, D. Ganenkov, I. Gruntov, T. Maisak, M. Russo*. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology. In: *New directions in lexical typology* / Eds. *M. Koptjevskaja-Tamm, M. Vanhove*. *Linguistics* [Special issue]. 2012, 3 (50). P. 633—669.